ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 328.185

Особенности применения сроков давности по взысканиям, связанным с ответственностью за коррупционные преступления

Илья Викторович Никитенко[1]✉, Сергей Александрович Васютин[2]
[1,2]Дальневосточный юридический институт МВД России им. И.Ф. Шилова, Хабаровск, Россия
[1]dfvnii@mail.ru✉, SPIN-код: 2955-2458

Аннотация. Исследование обусловлено сложностями правовой квалификации коррупционных деликтов, а соответственно и вопросами реализации юридической ответственности за их совершение, которая в процессе ее естественного становления проявляется в настоящее время в виде уголовной, административной и специфичной гражданско-правовой в виде антикоррупционного иска. Каждый из указанных видов судопроизводства имеет пресекательные сроки, по истечению которых рассмотрение дела становится невозможным, за некоторыми исключениями. На сегодняшний день в практике все чаще встречаются случаи выявления фактов совершения коррупционных деликтов, сроки давности по которым истекли, а значит возникла необходимость отнесения указанной категории дел либо к общему правилу применения срока давности, либо в разряд исключений с возможностью привлечения к ответственности независимо от давности его совершения.

Целью исследования является выяснение особенностей правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации по вопросам применимости сроков давности к коррупционным деликтам.

Ключевые слова: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, коррупционный деликт, обращение имущества в доход государства, конфискация имущества, антикоррупционный иск, сроки давности

Для цитирования: Никитенко И.В., Васютин С.А. Особенности применения сроков давности по взысканиям, связанным с ответственностью за коррупционные преступления // Правда и закон. 2025. № 3(33). С. 84–92.

Features of the application of statutory penalties for corruption crimes

Ilya V. Nikitenko[1]✉, Sergey A. Vasyutin[2]
[1,2]Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, Khabarovsk, Russia
[1]dfvnii@mail.ru✉, SPIN: 2955-2458

Abstract. The relevance of the study is due to the difficulties in legal qualification of corruption offenses, and accordingly, the issues of implementation of legal responsibility for their commission, which in the process of its natural formation is currently manifested in the form of criminal, administrative and specific civil liability in the form of an anti-corruption claim. Each of these types of legal proceedings has a deadline, after which it becomes impossible to consider the case, with some exceptions. Currently, in practice,

© Никитенко И.В., Васютин С.А., 2025

there are more and more cases of revealing the facts of committing corruption offenses, the statute of limitations for which has expired, which means that there is a need to investigate the facts of committing corruption offenses.

The purpose of this study is to identify the specific legal positions formulated by the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the applicability of statutes of limitations to corruption-related offenses.

Keywords: legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, corruption offense, conversion of property into state property, confiscation of property, anti-corruption lawsuit, statute of limitations

For citation: Nikitenko I.V., Vasyutin S.A. Features of the application of statutory penalties for corruption crimes // Truth and law. 2025. № 3(33). P. 84–92.

Дискуссия об исчислении сроков давности относительно преступлений коррупционной направленности в юридической науке и правовой среде отнюдь не нова. Актуальность данной проблемы обусловлена в первую очередь правовым обеспечением неотвратимости ответственности за совершенные в прошлом коррупционные преступления, а также восстановления социальной справедливости через гарантированную законодательством возможность взыскания у коррупционеров незаконно полученных доходов, вопреки обычному порядку исчисления сроков давности для разных категорий преступлений.

С опорой на мнения аналитиков, акцентирующих внимание на актуальности вопросов, связанных с целесообразностью применения особого порядка исчисления сроков давности по взысканиям, связанным с ответственностью за коррупционные преступления, следует принять во внимание ряд следующих обстоятельств.

Во-первых, результаты исследований зарубежного опыта свидетельствуют о том, что сроки давности во многих государствах используются как обособленное и эффективное средство противодействия преступности.

Во-вторых, стоит признать, что правовое обеспечение особого порядка течения сроков давности в отношении отдельных видов преступлений является эффективной мерой, направленной на оптимизацию механизмов предупреждения некоторых отдельных преступлений.

Так, в последние 20 лет многие страны по коррупционным делам стали применять аналогичный с другими преступлениями срок давности.

Однако из-за изменения политических систем, усиления глобализации, развития межгосударственных отношений осложнилась коррупционная ситуация, и по мере роста влияния политиков и должностных лиц, а также с появлением транснациональных коррупционных преступлений страны стали пересматривать правовые механизмы регулирования сроков давности [1, с. 307–315].

Вероятно, что в основе дискурса, с одной стороны, неотвратимость юридической ответственности с учетом гарантированных законом сроков давности, что должно способствовать предупреждению коррупционных правонарушений и коррупции в целом, с другой – гарантированная неприкосновенность частной собственности в случаях истечения общих сроков давности, позволяющих взыскать причиненный обществу и государству ущерб в результате незаконного обогащения.

Очевидно, что именно сроки давности привлечения к юридической ответственности являются неким компромиссом между предполагаемым правонарушителем и государством, обеспечивающим возможность пересмотра целесообразности привлечения к юридической ответственности в виду изменения прежних условий, правовой определенности, как в отношении правонарушения и самого правонарушителя. Указанные обстоятельства часто вызваны тем, что заинтересованность государства в привлечении лица к ответственности снижается в виду истечения значительного времени. С этим же связывают снижение эффективности превентивного значения неотвратимости ответственности, а также возможности формирования качественной доказательственной базы и полноты установления сопровождающих правонарушение событий. Вместе с этим необходимо признать и то, что подобный правовой компромисс является объективно вынужденной мерой, так как во многом не отвечает интересам общества

и государства, а скорее вызван правовой целесообразностью в издержках, связанных с обеспечением неотвратимости юридической ответственности по истечении определенного времени. Истечение же сроков давности может явиться косвенным доводом о том, что бывший правонарушитель сегодня не представляет прежней общественной опасности. Кроме этого, истечение установленных законом сроков давности должно способствовать защите от необоснованного судебного преследования.

Рассматривая вопрос юридической природы сроков давности с позиций уголовного права, целесообразно отметить, что данный правовой институт нацелен на обеспечение баланса между неотвратимостью уголовной ответственности за совершенные преступления и правовой реальностью, которая складывается по истечению значительных, по мнению законодателя, периодов времени, с которыми связаны возможности реального достижения целей привлечения к такой ответственности.

Краткий аналитический обзор теоретических основ правовой природы института сроков давности юридической и уголовной ответственности в частности, позволяет продолжить исследование на прикладном уровне, акцентируя внимание на позиции Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ) относительно рассматриваемых вопросов.

Методология данной работы основывается как на общенаучных, так и частных методиках познания сложных социальных явлений, к каким, безусловно, можно отнести проблемы противодействия коррупционной преступности и коррупционные деликты в целом.

Так, с опорой на анализ и синтез, абстрагирование и аналогию, формально-логический и системный методы познания в работе применялись частно-научные методики, направленные на решение конкретных исследовательских задач.

Посредством контент-анализа был исследован определенный массив текстовых и медийных сведений о правонарушениях коррупционной направленности, сроках давности юридической ответственности и правовых позициях судов первой инстанции, Верховного Суда Российской Федерации и КС РФ относительно исследуемых вопросов.

С опорой на сравнительно-правовой метод анализировались юридические подходы, а также соответствующие правовые решения по вопросам исключения из общепринятых правил исчисления сроков давности по делам коррупционной направленности.

Решения КС РФ всегда вызывают повышенный интерес у правоприменителя, поскольку по сути своей они выражают органичное сочетание аутентичного и судебного толкования закона. В анализируемом решении КС РФ, продолжая тенденцию закрепления принципа неотвратимости ответственности за коррупционные правонарушения уже достаточно давно[1] реализуемого судебной системой при рассмотрении дел в отношении лиц, замещающих (занимающих) или замещавшими (занимавшими) должность, на которую распространяются требования и запреты, направленные на предотвращение коррупции, тем не менее кардинально выделил указанную категорию из всей совокупности судебных споров[2].

Многочисленные примеры правоприменительной практики, связанной с привлечением к ответственности фигурантов коррупционных правонарушений вообще и преступлений в частности, свидетельствуют о том, что коррупционеры часто пытаются использовать разные юридические уловки и неопределенности для уклонения от ответственности за коррупционные деяния, ссылаясь на истечение сроков исковой давности либо сроков давности уголовной ответственности. Очевидно и то, что, даже находясь в отставках и по истечению значительного времени после

[1] См., напр., Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 30 июня 2017 г.) (примечание авторов).

[2] Там же.

должностных злоупотреблений, коррупционеры нередко предпринимают меры к сокрытию былых коррупционных правонарушений и нажитого в результате подобных правонарушений имущества, используя былые коррупционные связи, отчуждая незаконно нажитое имущество и противодействуя проведению проверок с целью выявления подобных фактов.

Постановление КС РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности ст. 195 и 196, п. 1 ст. 197, п. 1 и абз. 2 п. 2 ст. 200, абз. 2 ст. 208 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) в связи с запросом Краснодарского краевого суда»[3] (далее – Постановление № 49-П) отражает результаты рассмотрения КС РФ взаимосвязанных ст. 195, 196, п. 1 ст. 197, п. 1 и абз. 2 п. 2 ст. 200, абз. 2 ст. 208 ГК РФ в той мере, в какой на их основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о возможности распространения установленных ими положений об исковой давности (в том числе об общих трехлетнем и десятилетнем сроках исковой давности и правилах их течения) на содержащиеся в исковых заявлениях Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров требования об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) должность, на которую распространяются требования и запреты, направленные на предотвращение коррупции, вследствие их нарушения, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное в результате совершения указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано.

Предысторией данного решения выступили результаты прокурорского надзора за соблюдением соответствующего законодательства, в ходе которого был установлен факт того, что Андрей Викторович Коровайко с 2001 по 2002 г. являлся федеральным инспектором аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, а с 2002 по 2004 г. занимал в этом же аппарате должность главного советника управления по работе с органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления[4]. Вопреки запретам и ограничениям, установленным законодательством, он занимался предпринимательской деятельностью, с использованием своего должностного положения получал информацию о предприятиях, их дорогостоящих имущественных комплексах и занятом ими земельном фонде, вмешивался в их деятельность, в том числе завладевал долями в уставных капиталах хозяйственных обществ и акциями таковых (нередко в размере 100 %), и, действуя через доверенных и подставных лиц (номинальных владельцев имущества), скрытно владел и осуществлял управление ими. Коровайко А.В. использовал свое должностное положение в пользу соответствующих хозяйственных обществ, вкладывал, в том числе после ухода с государственной службы, доходы от полученных коррупционным способом активов в приобретение

[3] По делу о проверке конституционности ст. 195 и 196, п. 1 ст. 197, п. 1 и абз. 2 п. 2 ст. 200, абз. 2 ст. 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 31 окт. 2024 г. № 49-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Семыниной Марины Александровны на нарушение конституционных прав ее несовершеннолетней дочери Захарченко Ульяны Дмитриевны пунктом 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации и частями 1 и 2 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 дек. 2019 г. № 3559-О. Примечательно то, что КС РФ неоднократно отмечал право законодателя в пределах своей дискреции устанавливать, изменять и отменять сроки исковой давности в зависимости от цели правового регулирования и дифференцировать их при наличии к тому объективных и разумных оснований, а также закреплять порядок их течения во времени, с тем чтобы обеспечивались возможность исковой защиты права, стабильность и предсказуемость правового статуса субъектов правоотношений, а соответственно, п. 1 ст. 200 ГК РФ сформулирован так, что наделяет суд необходимыми полномочиями по определению момента начала течения срока исковой давности исходя из фактических обстоятельств дела, в том числе и с момента возбуждения уголовного дела и начала производства следственных действий в отношении указанной категории лиц (примечание авторов).

новых активов на территории ряда субъектов Российской Федерации. Впоследствии из этих обществ была сформирована группа компаний – концерн «Покровский», участие в которой он после оставления службы легализовал.

Также установлено участие А.В. Коровайко в период пребывания его в должности государственной службы в реализации с помощью доверенных лиц активов федерального государственного унитарного предприятия (оборонного предприятия), находившегося в процедуре банкротства, и последующее направление полученной прибыли для нужд собственной предпринимательской деятельности.

Решением Каневского районного суда Краснодарского края от 9 февраля 2024 г. исковые требования заместителя Генерального прокурора Российской Федерации удовлетворены, в доход Российской Федерации обращены акции и доли в уставных капиталах 22 хозяйственных обществ общей стоимостью свыше 9 млрд руб.

Вполне предсказуемо, что при обжаловании этого решения в суде апелляционной инстанции ответчики вновь обратились к доводу о пропуске срока исковой давности, который при признании его судом, допущенным без уважительных причин, является самостоятельным основанием для отказа в иске без исследования иных фактических обстоятельств по делу.

Судом первой инстанции доводы ответчиков о том, что срок исковой давности по соответствующим требованиям должен исчисляться с момента, когда Российская Федерация в лице уполномоченных органов узнала или должна была узнать о нарушении своего права, то есть с даты регистрации в ЕГРЮЛ долей участия ответчиков в хозяйственных обществах, а также зачисления на их лицевые счета спорных ценных бумаг, а десятилетний срок исковой давности, предусмотренный п. 2 ст. 196 ГК РФ, к моменту рассмотрения дела истек, был отклонен, суд посчитал, что институт исковой давности неприменим, поскольку объектом защиты в такого рода спорах выступает не чье-либо субъективное право, а интересы всего общества и государства.

Как отмечено в решении суда, применение сроков исковой давности к антикоррупционным искам не соответствует требованиям законности и справедливости, способствует нахождению в гражданском обороте незаконно полученного (приобретенного) имущества, его легализации, сокрытию от контролирующих органов и в итоге – поощрению коррупционного поведения и противоправному обогащению, что несовместимо с принципами существования и деятельности правового государства.

Позиция ответчиков вполне логична, предсказуема и объяснима, во-первых, процессуальными особенностями дела, во-вторых, тем, что параллельно судом рассматривалось аналогичное дело бывшего депутата Государственной Думы Российской Федерации М.Ф. Гайсина (период осуществления полномочий с января 1996 г. по январь 2000 г.), который установил контроль над заводом «Исеть» посредством приобретения 55,3 % капитала или 94 203 акций.

По делу М.Ф. Гайсина Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые решения об изъятии имущества и направила дело на новое рассмотрение, не согласившись с неприменением сроков исковой давности, а также указав на нарушение принципа недопустимости придания обратной силы закону, ухудшающему правовое положение граждан, который вытекает из Конституции Российской Федерации и имеет общеправовое значение, согласно которому федеральный законодатель, вводя в действие новые правовые нормы, обязан, как того требуют ст. 1, 2, 17 (ч. 1), 18, 19, 54 (ч. 1) и 55 (чч. 2 и 3) Конституции Российской Федерации, соблюдать принципы справедливости, равенства и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства и не вправе придавать обратную силу новому регулированию, если оно ухудшает правовое положение личности, ограничивает ее субъективные права, уже существующие в конкретных правоотношениях.

По мнению Судебной коллегии положения подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, предусматривающего обращение по решению суда в доход Российской

Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, были введены Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»[5].

Судебная коллегия по гражданским делам Краснодарского краевого суда столкнулась с тем, что в судебной практике по вопросу о применимости исковой давности к искам прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, полученного вследствие нарушения лицом требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, сформированы взаимоисключающие подходы. В некоторых случаях суды отдавали приоритет частным интересам и целям стабильности гражданского оборота, допуская применение исковой давности, тогда как в других делах, напротив, исходили из приоритета публичных интересов и целей противодействия коррупции, в связи с чем делали вывод о неприменимости исковой давности к антикоррупционным искам, причем конфликт правовых подходов не был обусловлен различными фактическими обстоятельствами этих дел, а поскольку такая практика ставит граждан в неравное положение, позволяя отдельным лицам избежать ответственности за деяния коррупционной направленности, а также препятствует правильному разрешению споров ввиду порождаемой ею неопределенности в вопросе о применимости исковой давности к антикоррупционным искам, придает злоупотреблениям коррупционеров смысл и перспективу, будет поощрять противоправную деятельность лиц и более тщательное сокрытие ими неправомерно нажитого имущества, предоставит замешанным в коррупции лицам необоснованные преимущества, что подрывало бы надлежащее функционирование рыночной экономики, веру граждан в законность, добро и справедливость в государстве. Поэтому Судебная коллегия приостановила производство по делу и обратилась с запросом в КС РФ.

Рассмотрев данное заявление и приняв Постановление № 49-П, КС РФ сформулировал ряд весьма интересных, на взгляд авторов, выводов. Основной касается только исковых заявлений Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров, содержащих требования об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, в которое первоначально приобретенное вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано. Относительно производства по указанным требованиям КС РФ постановил:

1. Признать взаимосвязанные ст. 195, 196, п. 1 ст. 197, п. 1 и абз. 2 п. 2 ст. 200, абз. 2 ст. 208 ГК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 1 (ч. 1), 8, 15 (ч. 2), 17 (ч. 3), 19 (чч. 1 и 2), 46 (чч. 1 и 2) и 75.1, в той мере, в какой судебное толкование позволяет рассматривать установленные ими общие трехлетний и десятилетний сроки исковой давности и правила их течения в качестве распространяющихся на требования Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненных ему прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, антикоррупционных требований и запретов.

2. В действующем законодательном регулировании какой-либо срок, ограничивающий возможность подачи прокурором искового заявления с требованиями об обращении в доход Российской Федерации имущества как

[5] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 45-КГ24-6-К7/45-КФ23-1423-К7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

приобретенного вследствие нарушения лицом антикоррупционных требований и запретов, считается неустановленным.

Таким образом, позиция КС РФ ставит коррупционера в ситуацию бессрочного риска потери незаконно приобретенного имущества, что как указано в п. 4.1 «служит особого рода неблагоприятным последствием противоправного поведения, применяемым в случае несоблюдения лицом антикоррупционных требований и запретов», и в то же время в Постановлении № 49-П можно выделить две правовые позиции, имеющие значение и для уголовного судопроизводства.

Так, одной из актуальных проблем ответственности за преступления коррупционной направленности является отсутствие, не то чтобы единого, а скорее – неизменного перечня таковых. В настоящее время подобным выступает Перечень № 13 – преступлений, которые могут быть совершены с использованием своего служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также преступлений, которые могут способствовать их совершению[6], который довольно часто подвергается изменениям, а также содержит преступления с различными видовыми и родовыми объектами объединяя преступления против личности, экономики, общественной безопасности, государственной власти и т.п.

Однако в п. 2 Постановления № 49-П КС РФ прямо указал на то, что многоаспектность негативного воздействия коррупции на жизнь общества и государства позволяет отнести ее к числу особенно опасных социальных явлений. Наиболее тяжелым последствием и самим существом коррупции является нарушение принципов справедливости и равенства (правового эквивалента). Она оказывает разрушительное, угнетающее воздействие на сферу реализации публичной власти, расшатывает ее легитимность, способна подорвать веру граждан в законность, добро и справедливость, является существенным препятствием для правового, демократического и социально-экономического развития страны. А в п 2.1 применена еще более жесткая формулировка «использование лицом, занимающим (занимавшим) публично значимую должность, своего должностного статуса для незаконного обогащения недопустимо уже в силу действующей прямо и непосредственно Конституции Российской Федерации, ее статей 1 (часть 1), 3 (часть 1), 15 (части 1 и 2), 18 и 19 (часть 1), и представляет собой конституционно-правовой деликт, посягающий на основы конституционного строя, а недопустимость совершения этого деликта должна быть очевидна для каждого такого лица».

На взгляд авторов, КС РФ данными пунктами Постановления № 49-П по сути распространил действие видового объекта гл. 29 Уголовного кодекса Российской Федерации[7] (УК РФ) «Основы конституционного строя и безопасности государства», если и не на все коррупционные преступления, то уж на составы взяточничества точно.

Вторая значимая позиция, сформулированная в п. 5.3 Постановления № 49-П, продолжает тенденцию расширения не уголовно-правовых последствий ранее совершенного преступления, закрепляя в качестве такового поражение в имущественных правах вкупе с уже существующими поражениями в избирательных[8] или трудовых[9] правах. КС РФ закрепил соотношение изъятия имущества и конфискацию как общего с частным, поскольку незаконное обогащение

---

[6] О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России от 25 июня 2024 г. № 462/11/2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7] Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сент. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

[9] О федеральной службе безопасности: Федер. закон от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не всегда должно содержать признаки объективной стороны какого-либо преступления.

Более того, даже в случае совершения лицом преступления коррупционной направленности, повлекшего появление у него имущества, которое может образовать предмет антикоррупционного иска прокурора, истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ) – как срока давности именно уголовного преследования, а не срока реализации иных средств обеспечения публичного правопорядка – не является безусловным препятствием для обращения этого имущества в доход Российской Федерации. Отказ государства от дальнейшего уголовного преследования по основанию истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности не опровергает факта совершения деяния, содержащего признаки преступления, не реабилитирует лицо, его совершившее, не избавляет и не может полностью избавить это лицо от негативных последствий его коррупционного поведения.

В контексте действующего уголовного законодательства конфискация имущества, в соответствии со ст. 104.1 УК РФ во взаимосвязи со ст. 243 ГК РФ, как публично-правовая санкция уголовно-превентивного свойства может применяться не только в качестве сопровождающей наказание вспомогательной меры при постановлении обвинительного приговора, но и при освобождении от наказания по нереабилитирующим основаниям[10].

Истечение срока давности уголовного преследования влечет лишь невозможность применения к лицу правоограничений, составляющих уголовное наказание. Соответственно, в тех случаях, когда правовая судьба предмета преступления коррупционной направленности не определена судом в уголовно-процессуальном порядке (в связи с прекращением уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, сокрытием имущества от взыскания и др.) либо когда совершенное деяние коррупционной направленности не получало уголовно-правовой квалификации, вопрос об обращении имущества в доход Российской Федерации может быть разрешен судом в порядке рассмотрения антикоррупционного иска прокурора и за пределами срока давности привлечения к уголовной ответственности.

С учетом принятых КС РФ правовых позиций, 3 декабря 2024 г. Судебная коллегия по гражданским делам Краснодарского краевого суда оставила в силе решение Каневского районного суда Краснодарского края от 9 февраля 2024 г., а значит есть основания полагать, что в течение 2025 г. после решений Четвертого кассационного суда и Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации начнется отсчет нового этапа практики бессрочного изъятия у коррупционеров предмета или эквивалента незаконного обогащения.

Данный пример свидетельствует о том, что на фоне течения сроков давности уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности сохраняются правовые основания на возмещения, причиненного в результате подобных преступлений ущерба по исковому производству, тем более, когда исковые требования могут быть обеспеченны сроками давности в связи с особым порядком их исчисления по коррупционным делам.

Рассмотрев и проанализировав некоторые теоретические подходы, раскрывающие юридическую природу сроков давности юридической ответственности вообще и в отношении ответственности за преступления коррупционного характера в частности, а также правовые позиции отдельных судов общей юрисдикции, Верховного Суда Российской Федерации и КС РФ, авторы пришли к следующим выводам.

1. Отказ государства от уголовного преследования по основанию истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности не отрицает самого факта преступного деяния, содержащего признаки преступления, и не является

[10] По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 7 марта 2017 г. № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

реабилитирующим основанием освобождения от уголовной ответственности и наказания лица, виновного в его совершении. А соответственно не избавляет и не может полностью избавить это лицо от негативных последствий, совершенных в прошлом коррупционных преступлений.

2. С опорой на мнения КС РФ авторами рассмотрено одно из перспективных направлений противодействия коррупционной преступности, связанной с незаконным обогащением и легализацией преступных доходов, а также возможностей восстановления социальной справедливости, следуя принципу неотвратимости ответственности и возмещения причиненного государству и обществу материального вреда коррупционными преступлениями.

Список источников

1. Ганхуяг Б., Зумбэрэллхам Д. Срок давности для коррупционых преступлений и международный опыт // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15. № 1. С. 307–315. DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(1).307-315. EDN VYWFOI.

References

1. Ganhuyag B., Zumberellham D. Srok davnosti dlya korrupcionyh prestuplenij i mezhdunarodnyj opyt // Baikal Research Journal. 2024. T. 15. № 1. S. 307–315. DOI 10.17150/2411-6262.2024.15(1).307-315. EDN VYWFOI.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 07.08.2025; принята к публикации 08.08.2025.
The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 07.08.2025; accepted for publication 08.08.2025.

Информация об авторах
И.В. Никитенко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова (Россия, 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15);
С.А. Васютин – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова (Россия, 680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15).

Information about the authors
I.V. Nikitenko – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, 680020, Khabarovsk, Kazarmenny per., 15);
S.A. Vasyutin – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, 680020, Khabarovsk, Kazarmenny per., 15).